

УДК 32.019.5

ИДЕИ И ЦЕННОСТИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КАРТИНЕ СОВРЕМЕННОГО ЧЕЛОВЕКА*

Г. В. Пушкарева

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
Россия, 119991, Москва, Ленинские горы, 1

У каждого человека формируется своя система представлений о политике, обозначаемая автором статьи как «политическая картина». Конструируемая сознанием индивида политическая картина воспринимается им самим как адекватное отражение объективной политической реальности, как данность, на которую он ориентируется при выборе моделей поведения. Обращение к данной категории позволяет раскрыть значение психологических механизмов, опосредующих связь индивида с миром объективных политических явлений и процессов. Политическая картина описывается как сложное когнитивное образование, состоящее из образов конкретных политических акторов, обобщенных образов, аккумулирующих знание о политических статусах и ролях, сценариев, формирующих представления о нормативном порядке, и концептов (мифологем, идеологем, научных теорий), помогающих индивиду объяснить мир политики доступными для него способами. Обосновывается тезис о том, что идеи и ценности, содержащиеся в концептуальном знании индивида о политике, выполняют системообразующую функцию по отношению к другим когнитивным структурам, создавая эффект субъективной целостности политической картины.

Ключевые слова: политическая картина, политическое восприятие, политические образы, политические идеи, политические ценности, мифологемы, идеологемы.

Политическое во всем своем многообразии существует только потому, что есть люди, способные воспроизводить его различные формы в своих действиях. Отношения власти и политические режимы, институциональные порядки и политические культуры, политические конфликты и политические процессы — все это является результатом активности многих людей, руководствующихся определенными мотивами и ориентирующихся на собственные представления о допустимом и нежелательном в этом мире. При всей очевидности, даже банальности данного утверждения сожаление вызывает то, что ученые охотно описывают продукты политической жизнедеятельности, т. е. созданные людьми политические институты, структуры, нормы, идеологии, формы политического языка и т. д., но мало внимания уделяют самому человеку, тем внутриличност-

* Исследование осуществлено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 17-03-00590/17-ОГОН). The study was carried out with the support of the Russian Foundation for Basic Research (Project no. 17-03-00590/17-OGON).

ным процессам, которые превращают его в создателя разнообразных политических артефактов, в строителя политической реальности. А ведь от конкретных людей, живущих в конкретное время, зависят устойчивость сложившегося в конкретной стране политического нормативного порядка, состоятельность государства, стабильность или изменчивость политического режима, легитимность власти и многое другое, что привычно определяется как политическая реальность. Какие психологические процессы помогают человеку встраиваться в политическую жизнь общества и вносить посильный вклад в конструирование политических феноменов? Что побуждает его смиренно воспроизводить нормы сложившегося институционального порядка, а потом непредсказуемым образом приступить к его коренной перестройке? Поиск ответов на эти и аналогичные вопросы, на наш взгляд, важен не менее чем описание принципов политического мироустройства. Познание политической ипостаси человека позволяет найти новый ракурс исследования причин и факторов устойчивости/изменчивости объективных политических феноменов.

Психика человека обладает уникальной способностью усваивать большие массивы информации, поступающей из внешней среды, в том числе информации о политических объектах и процессах, образуя индивидуальную картину политического мира, вбирающую в себя все многообразие сформировавшихся в процессе политической социализации представлений о политике. Эти представления становятся для индивида аналогом политической реальности, можно сказать, самой реальностью, поскольку только в соответствии со сложившимися у него представлениями о нормах и правилах политических взаимодействий, о ролевых требованиях и ценностных суждениях он интерпретирует социальные ожидания других людей, выстраивает свою линию жизни, выбирает соответствующие его пониманию реальности модели поведения.

Та роль, которую играет картина мира в регуляции политического поведения, требует пристального внимания к механизмам ее формирования, особенностям построения ее композиции, факторам изменения и способам мотивирующего воздействия. В научной литературе данная проблематика находится на стадии разработки (Политическая социализация..., 2008, с. 338): уточняется понятийный аппарат, определяются методологические принципы, создаются теоретические конструкции. В частности, обращается внимание на сложность существующей в индивидуальном сознании политической картины мира, ее подвижность, наличие системных свойств (Самаркина, 2011, с. 6). В настоящей статье предлагается рассмотреть политическую картину мира как сложное когнитивное образование, способное поддерживать у индивида целостность восприятия политической жизни общества. В качестве основной гипотезы выдвигается суждение о системообразующей роли идей и ценностей, объединяющих и организующих индивидуальные представления о многообразных формах политической жизни в целостную систему смысловых значений, которая, в свою очередь, играет определяющую роль в отношении человека к актуальным политическим событиям, действиям политических акторов, решающим образом влияет на выбор им моделей политического поведения.

* * *

Понятие «картина мира» появляется в культурологии для обозначения некоторой целостности «мыслей, верований, навыков духа», возникающих в рамках «культурной традиции или какого-нибудь сообщества» (Гуревич, 1995, с. 241). В настоящее время данное понятие используется не только для описания системы коллективных представлений, присущих некоторым культурным общностям, но и для обозначения индивидуальных особенностей восприятия мира (Чернявская, 2000).

Отражение в картине мира представлений о различных сторонах социального бытия стало основанием для выделения специфических картин мира, в частности картины политической. Так, И. В. Самаркина предлагает «использовать понятие “политическая картина мира” для обозначения существующей в индивидуальном сознании подвижной системы связанных образов и представлений о власти и политической системе, ее структуре, механизмах и конфигурации в окружающей действительности» (Самаркина, 2011, с. 6). В целом разделяя такой подход, считаем необходимым уточнить ряд методологических вопросов, касающихся как определения самого понятия, так и особенностей исследования данного феномена.

Прежде всего, возникает вопрос о целесообразности введения понятия «политическая картина мира», поскольку в научной литературе для обозначения способности человека отображать внешний политический мир уже используются другие категории. Речь идет, в частности, о категории «политическое сознание», получившей широкое распространение в отечественной научной литературе. Анализ определений данного понятия показывает, что среди ученых нет консенсуса в понимании его содержания (см., напр.: Баранов, 2007; Патрушев, Филиппова, 2017; Мартыанов, 2015). Особенно ярко это проявляется в интерпретации данного понятия философами и психологами. Для первых политическое сознание — это «все неинституциональные компоненты политической сферы общественной жизни» (Соловьев, 2000, с. 330), «исторически обусловленное отражение и выражение (в идеологии и психологии различных субъектов) объективных отношений и процессов внутренних и внешних факторов функционирования государства и политических институтов» (Поливаева, 2009, с. 40). Для вторых — «восприятие субъектом той части реальности, которая связана с политикой, с вопросами власти, подчинения и государства с его институтами» (Шестопад, 2002, с. 309) или «осознание себя в политике как самостоятельного деятеля, целостная оценка своей роли, целей, интересов, идеалов и мотивов поведения» (Ольшанский, 2001, с. 61).

Еще одним генерализованным понятием, претендующим на целостное описание индивидуальных особенностей восприятия политического мира, является понятие «субъективный политический мир» (Пушкарева, 2014, с. 82–151), в основе которого лежит понимание того, что человеческая психика не просто отражает внешний мир: она формирует свою систему представлений об этом мире, наполненную индивидуальными переживаниями, ценностными суждениями, автобиографическим опытом, ожиданиями и ощущениями. Как отмечает Г. М. Андреева, «человек не просто фиксирует внешние связи и отношения,

но и реконструирует их, т. е. неизбежно строит образ окружающего мира, или конструирует его» (Андреева, 2002, с. 182). Субъективный политический мир может рассматриваться как микрокосм индивидуального политического бытия. В нем есть представления о внешнем политическом мире, есть понимание того, какое место занимает сам человек в этом мире, есть ощущение тождественности с некоторыми политическими группами, есть влечение к одним политическим акторам и неприязнь по отношению к другим, есть шкалы, по которым оцениваются политические события и суждения о желаемых формах политического бытия.

Наконец, обратим внимание на еще одно понятие — «политический образ». Как отмечает Т. Н. Пищева, в образе «отражаются знания, представления, мнения, оценки, ожидания, эмоции, требования граждан к объекту восприятия» (Пищева, 2011, с. 47). Спецификой этого понятия является ориентированность на конкретный объект, которым может быть политический лидер, партия, организация, государство, власть в целом (Политическая социализация..., 2008, с. 12–13).

Несмотря на наличие указанных категорий, на наш взгляд, есть две проблемы, которые требуют дальнейшего уточнения категориального аппарата, используемого для научного описания субъективных форм репрезентации политической реальности. Первая заключается в важности использования аналитических процедур в исследовании любого сложного образования, в том числе субъективного политического мира. В частности, речь идет о необходимости вычленения и более глубокого исследования его когнитивной составляющей. Конечно, в структуре личности когнитивные процессы не существуют в чистом виде, они дополняются, расширяются и даже модифицируются под влиянием эмоциональных состояний индивида, но это не означает, что их нельзя изучать направленно, создавая для решения данной научной задачи свой методологический инструментарий.

Одним из способов решения данной задачи стало создание теории фреймов (Druckman, 2001; Druckman, 2007), теории когнитивных схем (Lodge, Taber, 2000; Kuklinski, Luskin, Bolland, 1991), теории системы представлений и операционального кодирования (George, 1969; Renshon, 2008; Kinder, 2006), которые позволяли описывать связи между отдельными индивидуальными когнициями, но не претендовали на объяснение причин и условий целостности индивидуальных политических репрезентаций. Именно трудности определения истоков возникающей в индивидуальном сознании субъективной непротиворечивости, внутренней согласованности политических репрезентаций составляют вторую проблему, решение которой требует обновления категориального аппарата.

Понятие «политическая картина мира», на наш взгляд, может быть использовано для номинации когнитивной составляющей субъективного политического мира, т. е. для обозначения совокупности индивидуальных репрезентаций о политике. Конечно, человек не может не формировать чувственного отношения к вырабатываемой его сознанием политической картине мира, но для понимания особенностей структурирования этой картины, целостности ее восприятия, формирования убежденности в ее истинности важно сосредоточиться именно

на когнитивных механизмах ее конструирования. Эти механизмы объясняют, как складывается знание человека о политике, какова его структура, как обеспечивается его внутренняя непротиворечивость, как это знание превращается в объективные ориентиры политического поведения.

* * *

В процессе политической социализации в долговременной памяти человека накапливаются большие объемы информации, образуя различные когнитивные структуры, т. е. устойчивые виды интериоризированного, внутреннего знания. Благодаря этому знанию складывается объемная индивидуальная картина политического мира, в которой есть действующие лица, легко распознаваемый контекст и смысловое содержание. Эта картина является настолько масштабной, что в актуальном сознании неизбежно воспроизводится только ее фрагмент, который по мере изменения наблюдаемой ситуации и восприятия новой информации может плавно сменяться другим, не нарушая при этом ощущения реальности и целостности политического мира.

Композиционно индивидуальная политическая картина мира складывается из четырех видов политических когнитивных структур: образы конкретных политических акторов, обобщенные образы, аккумулирующие знание о политических статусах и ролях, сценарии, формирующие представления о нормативном порядке, и концепты, помогающие индивиду объяснить мир политики доступными для него способами.

Эти структуры тесно взаимосвязаны и не существуют по отдельности, однако для определения вклада каждой из них в конструирование индивидуальной политической картины мира целесообразно рассмотреть их специфику.

У каждого человека, включенного в процессы коммуникации современного общества, формируются представления о конкретных участниках политических процессов: о главе государства, которого регулярно показывают по телевизору, о парламентарии, который выступает в политических ток-шоу, о лидере оппозиции, который запомнился ярким выступлением на митинге, о группе людей, собравшихся на акцию протеста, и т. д. Усвоение информации такого рода становится возможным прежде всего благодаря сенсорным органам восприятия (зрение, слух, осязание), обеспечивающим отражение в психике человека образов тех людей, которые имеют физическое воплощение, которые воспринимаются как реально существующие, действия которых можно наблюдать, речь которых можно слышать, с кем можно непосредственно контактировать. Политическую окраску этим образам придают другие когнитивные структуры, формирующие контекст социального восприятия, придающие политические смыслы их действиям.

Такие конкретные, т. е. сводимые к реальным людям образы составляют передний план политической картины мира, ее видимую часть, которая актуализируется всякий раз, когда наше сознание фиксирует активность этих образов. Развитая психика позволяет человеку конструировать конкретные образы и без непосредственного контакта с их носителями, на основе вербальной коммуни-

кации. Так, представления о государственных деятелях прошлого могут сформироваться при чтении исторической литературы, когда по мере постижения информации в сознании возникает вполне осязаемый конкретный образ, которому отводится свое место в политической картине.

Мы воспринимаем политику через действия других людей. Но эти действия становятся фрагментами политической картины, если поступки наделяются особыми смыслами, которые не могут возникнуть на основе сенсорной перцепции. Необходимо еще знание о пространстве политических взаимоотношений, о возникающих в нем напряжениях, требованиях к участникам взаимодействий, мотивах их поведения и значениях их поступков, т.е. знание, формирующее контексты. К таким видам знания относятся обобщенные образы и сценарии.

Обобщенные образы — это сложившиеся в социуме представления о политических статусах и ролях. В отличие от конкретных образов, данный вид когнитивных структур не связан с биологическим носителем, с конкретным человеком, а является знанием о существующих в обществе политических различиях, о конфигурации политического пространства и возникающих в нем позициях, о функциональных требованиях к таким позициям. В политической картине мира обобщенные образы образуют своеобразную матрицу, позволяющую каждого конкретного человека поместить в ячейку с ясно выраженными параметрами («президент», «депутат», «премьер-министр», «политический лидер», «либерал», «коммунист» и т.д.). В итоге в актуализированном фрагменте политической картины действия людей начинают обретать смысл, т.е. могут быть проинтерпретированы в соответствии со сложившимися у индивида представлениями о статусных различиях и ролевых требованиях, структурирующих фиксируемые сознанием поступки и взаимодействия этих людей.

Сценарии, как когнитивные структуры, представляют собой интериоризированное знание об устоявшихся моделях поведения в тех или иных ситуациях, представления о том, почему именно так ведут себя люди в сложившихся обстоятельствах, почему в тот или иной конкретный момент они выбирают те или иные способы взаимодействия. Этот вид когнитивных структур, пишет Ж. Ф. Ришар, «определяет не свойства, собственно присущие объекту, а контексты, в которых встречаются объекты и действия» (Ришар, 1998, с. 36). Восприятие контекста определяется прежде всего сложившимся в обществе нормативным порядком, задающим ограничительные рамки политического поведения, поэтому в сценариях фактически воплощается знание индивида о нормах и правилах политических взаимодействий. Так, сценарий под условным названием «избирательный участок» позволяет индивиду наглядно представить процедуру голосования, определить место каждого участника данной процедуры, проинтерпретировать его действия.

Сценарии политических ситуаций, хранящиеся в памяти человека, могут быть результатом отражения его опыта, т.е. непосредственного участия в том или ином взаимодействии, событии, а также формируются под воздействием дискурса, рассказов очевидцев, непосредственных участников событий или интерпретаторов этих событий. Например, под влиянием СМИ или исторической литературы у человека может сложиться целостное представление о таких про-

цессах, как государственный переворот, революция, принятие законодательного акта и т. д. В любом случае сценарий становится законченным фрагментом политической картины индивида, где оживают образы конкретных людей, где их действиям приписывается определенный смысл, где открываются возможности для интерпретации их поведения, а взаимные ожидания становятся доступными для понимания.

В актуальном сознании индивида политическая картина мира воссоздается главным образом в виде разворачивающихся событий, содержание которых укладывается в смысловые рамки определенных сценариев. В какой-то момент политическая картина мира представлена событиями предвыборной кампании, в какой-то — событиями протестного движения, затем в сознании может актуализироваться картина встречи главы государства с представителями общественности или руководителями других стран. Такая фрагментарность связана с тем, что в актуальном сознании человек не может воссоздавать все многообразие сложившихся у него представлений о политике. Его сознание, регулируемое оперативной памятью, реагирует на поступающую извне информацию, которая стимулирует извлечение из долговременной памяти когнитивных структур, уместных для категоризации наблюдаемых действий политических акторов.

Таким образом, политическая картина мира индивида имеет две ипостаси. Первая — это те политические представления, которые под влиянием мнемонических и перцептивных процессов формируют ощущение актуального видения политических процессов (то, что я вижу, представляю, ощущаю сейчас). Вторая — это весь комплекс представлений о политике, которые сформировались у индивида в ходе политической социализации и хранятся в его долговременной памяти. Какая-то часть этих представлений может быть активирована в любой момент и стать основой для восприятия новой информации и формирования актуальной картины политического мира.

Главной особенностью индивидуальной политической картины мира является ее смысловая целостность. Еще Г. Гарфинкель в своих так называемых кризисных экспериментах показал, что человеку свойственно упорядочивать поступающую к нему информацию и даже в хаотичных действиях других людей находить некоторый смысл (Гарфинкель, 2003). Это стремление к упорядочиванию информации является одним из психологических механизмов, позволяющим снижать внутреннее напряжение, всякий раз возникающее, когда индивид оказывается в ситуации, которая поражает его своей неординарностью и даже парадоксальностью. Сталкиваясь с непонятным, человек подсознательно пытается это непонятное встроить в смысловые рамки своей политической картины, чтобы прояснить ситуацию, найти приемлемые объяснения происходящего, использовать привычные способы реагирования.

Описанные выше политические когнитивные структуры помогают человеку увидеть смысл в наблюдаемых явлениях. Конкретные образы, как представления об отдельных политических фигурах, становятся основой для приписывания этим фигурам в каждой конкретной ситуации мотивов политического поведения. Обобщенные образы, как представления о политических статусах

и ролях, дают возможность объяснить характер возникающих между участниками политических взаимодействий ролевых ожиданий и требований. Сценарии, как представления о нормах и правилах взаимодействий в типичных ситуациях, позволяют интерпретировать контексты взаимодействий, в частности конституирующий их институциональный порядок.

Однако формируемая с помощью данных когнитивных структур политическая картина мира неизбежно носит мозаичный характер, поскольку позволяет реконструировать в сознании индивида лишь фрагменты политической жизни общества, отдельные процессы и ситуации. При этом сам человек не ощущает этой фрагментарности, он обладает способностью собирать отдельные мозаики в целостную систему представлений, видеть в отдельных ситуациях некий общий смысл, позволяющий ему выделять и идентифицировать политический сегмент социальной реальности. Эта способность обеспечивает преимущество картин политического мира, возникающих в актуальном сознании индивида по конкретному случаю, смысловую связанность представлений о политических акторах и политических ситуациях, устойчивость способов интерпретации политических явлений.

Данная способность поддерживается особым видом когнитивных структур, формирующих у человека генерализированное знание о политике, о содержании политического, о принципах устройства политической жизни, о значимых ориентирах политического развития, о приемлемом, желаемом и недопустимом в политических взаимодействиях. Этот вид знания можно назвать концептуальным, поскольку он включает сложившиеся у индивида представления, которые не могут однозначно сводиться к наблюдаемым действиям, повторяющимся событиям. В концептах находит отражение естественное стремление человека объяснить, как устроен мир политики, почему он так устроен и есть ли другие, лучшие варианты политического развития. Концепты — это идейно-ценностная составляющая индивидуальной политической картины мира, продуцирующая генерализированные смыслы и выполняющая интегративную функцию по отношению к другим когнитивным структурам.

* * *

Концепты, как комплексы идей, объясняющих мир политики, можно разделить на три основных вида: мифологемы, идеологемы и научные теории. В сознании обычного человека они не столько возникают в результате интеллектуальной работы, личных размышлений или научного поиска, сколько принимаются в готовом виде в ходе политической социализации, по мере освоения достижений общественной мысли, интериоризации привлечших внимание идей, элементов политических теорий.

Политические мифологемы — исторически первый способ объяснения возникающих в обществе отношений власти. Мифы стали своеобразной реакцией человека на естественную потребность преодолеть страх перед неопределенностью внешнего социального мира. В формирующейся политической картине мира индивиду необходимы были связующие звенья между его представлени-

ями о конкретных властителях и нормах, закрепляющих право этих властителей на осуществление политической власти в обществе, он нуждался в доступных для понимания суждениях, объясняющих возникающий политический порядок и помогающих ему адекватно определять свое место в системе властных отношений. Мифы возникали как комплексы идей, объясняющих назначение отражающихся в сознании индивида политических объектов, политических процессов и политических акторов. С помощью мифа создавались смысловые рамки, в которые удавалось встроить все другие представления о политических отношениях, легитимизировать требования нормативного порядка и найти приемлемые способы интерпретации возникающих взаимосвязей.

Поскольку миф — это система суждений, где «неумопостижимое» объясняется через «умопостижимое», а «трудноразрешимое» через менее трудноразрешимое» (Мелетинский, 1976, с. 169), то каждый человек способен конструировать мифы по мере возникновения необходимости прояснения для себя того или иного фрагмента политической реальности. Однако в большинстве случаев человеку проще обратиться к готовым мифологическим конструкциям, созданным другими людьми и в большом многообразии представленным в информационном пространстве.

С развитием научного знания мифы в политической картине не исчезают. Современный человек по-прежнему нуждается в таких способах объяснения политических явлений, которые легко укладываются в рамки его повседневного опыта, соответствуют его уровню знаний, облегчают его понимание происходящего на политической арене. Именно простота логической конструкции ведет к тому, что мифы легко усваиваются и, оседая в глубинах памяти, начинают оказывать непосредственное влияние на когнитивные процессы, с помощью которых в актуальном сознании индивида реконструируется политическая картина мира.

Вместе с тем благодаря развитию наук об обществе и политике в политической картине индивида начинают появляться суждения, в основе которых лежали теоретические конструкты, созданные специалистами исходя из принципов научного познания и объяснения. Распространение научного знания о политике прежде всего через систему образования способствовало тому, что фрагменты этого знания стали включаться в политическую картину мира, замещая отчасти мифологические конструкции. Сегодня даже школьник может оперировать понятиями, созданными учеными для обозначения сложных политических феноменов: политическая система, политическая культура, политический режим, система представительства интересов и т. д. Такие понятия помогают собирать из мозаики отдельных образов, знаний о нормах и правилах политических взаимодействий целостную картину политической жизни общества, определять место и роль в этой картине каждого политического актора или объекта, видеть возникающие между ними функциональные связи, различать политические смыслы фиксируемых в процессе восприятия действий людей.

Особенностью усвоения любой сложной информации является то, что человек неизбежно подвергает ее переинтерпретации в соответствии со своими аналитическими способностями, мнемоническими процессами; он что-то

домысливает, что-то упрощает, что-то упускает из виду. В итоге одни и те же теоретические конструкты в индивидуальной политической картине мира обретают разные очертания, по-своему структурируют интериоризированное знание о конкретных и обобщенных образах, о логике институциональных зависимостей и правилах политических взаимодействий.

Индивидуальные представления о политике имеют еще одну особенность: они расцвечены разными красками. В политической картине есть фрагменты, окрашенные в яркие цвета, формирующие радужные надежды и представления о желаемом политическом будущем страны и самого индивида. Но есть и серые фрагменты, в том числе переходящие в мрачные тона, хранящие воспоминания о нежелательных действиях политических акторов, о сюжетах, вызывающих страх, о нормах и правилах, воспринимаемых как неприемлемые ограничения, препятствующие достижению индивидом своих целей.

Расцвечивание политической картины происходит благодаря способности человека обретать ценностное отношение к окружающему миру, т. е. различать в нем значимое и незначимое, хорошее и плохое, необходимое и второстепенное, полезное и наносящее вред. Эта способность может формироваться под влиянием собственного опыта, когда индивид сталкивается с разными состояниями политического бытия и критически оценивает их значение для себя лично и для социума в целом. Однако в большинстве случаев он усваивает готовые ценностные суждения, идеологемы, в широком диапазоне представленные в политической культуре современного общества.

Идеологемы в политической картине индивида представляют собой ценностно окрашенные суждения, обосновывающие значимость, полезность одних политических феноменов или состояний политического бытия и вредность других. Если мифологемы и усвоенные элементы научных теорий позволяют индивиду получить удовлетворяющие его ответы на вопрос, почему так устроен политический мир, то идеологемы призваны удовлетворить его запрос на будущее: какими должны быть политические отношения в справедливо организованном обществе.

Идеологемы в индивидуальной политической картине мира выполняют также функцию расстановки акцентов в рефлекслируемом сознанием многообразии политических объектов, процессов и акторов. Для каждого конкретного человека значение этой функции определяется тем, что идеологемы помогают ему в актуализированной в сознании картине мира отличать несущее благо от разрушительного и вредоносного, вырабатывать собственные оценочные суждения о политических событиях, о действиях политических акторов, разворачивающихся на авансцене политической жизни общества. Такие оценки помогают индивиду самоопределяться по отношению к происходящему, дистанцироваться от того, что вызывает опасения, и поддерживать тех, чьи действия воспринимаются как соответствующие его политическим принципам.

Таким образом, идеи и ценности, содержащиеся в концептуальном знании индивида о политике, выполняют системообразующую функцию по отношению к другим когнитивным структурам, таким как: интериоризированное знание о конкретных политических акторах, усвоенные представления о нормах и пра-

вилах политических взаимодействий, выработанные суждения о политической статусной дифференциации общества, о ролевых требованиях и сценариях политических событий. В соответствии с идеями и ценностями, организованными в виде мифологем, идеологем и научных теорий, индивидуальная политическая картина обретает целостный характер, в ней действия политических акторов, политические события встраиваются в умпостигаемую объяснительную конструкцию, обладающую системными свойствами.

Целостность политической картины мира субъективна, ее нельзя описать на основе некоторых общепринятых эталонов. Более того, поддерживающие эту целостность идеи и ценности могут казаться противоречивыми и даже взаимоисключающими, не укладывающимися в классические идеологические конструкции, созданные великими политическими мыслителями. В ценностной системе координат обычного человека вполне могут уживаться грезы о свободе личности с признанием важности сильного лидера и политики твердой руки, а представления о социальной справедливости способны оказаться причудливым сочетанием идей, заимствованных из разных идеологических концептов. Стороннему наблюдателю такая конфигурация идейно-ценностных представлений может казаться парадоксальной, «шизофреническим хаосом» (Фишман, 2017, с. 12), однако сам индивид этой парадоксальности не ощущает и, сталкиваясь с различными проявлениями политического бытия, уверенно использует различные фрагменты своей политической картины для интерпретации актуальных ситуаций, событий, ожиданий и действий других людей.

* * *

Политическая картина каждого человека самобытна, поскольку в ней отражается уникальный опыт участия индивида в политической жизни, особенности его восприятия, памяти, мыслительной активности, неповторимость субъективных переживаний и т. д. Постигание содержания индивидуальных политических картин — цель неосуществимая не только в силу их огромного многообразия, но и по причине динамичности политических представлений, постоянного включения в политическую картину новых фрагментов и переструктурирования ранее усвоенного знания о политике. В связи с этим встает вопрос о научной ценности данного концепта, о том, каково его значение для понимания политической реальности, особенностей политического институционального пространства, политических процессов, других политических феноменов, а также для решения прикладных политических задач.

На наш взгляд, теоретико-методологическая функция данного концепта состоит в акцентуации важности учета при объяснении особенностей политического развития общества психологических механизмов, опосредующих связь индивида с миром объективных политических феноменов. Обращение к таким категориям, как «менталитет», «политическая культура», «массовое сознание», «общественное мнение» и т. п., позволяет увидеть лишь срез сложившихся в социуме представлений, установок, ценностных ориентаций, мнений, суждений, стилей мышления (Zaller, 1992, p. 91–96). Однако объяснительный по-

тенциал данных категорий снижается всякий раз, когда ученые сталкиваются с быстрыми изменениями в массовом сознании, с противоречиями ценностных суждений, вскрываемых в ходе социологических опросов, с отсутствием реакции людей на, казалось бы, важные стимулы и неприятием вроде бы убедительных доводов. Понимание особенностей конструирования индивидуальной политической картины помогает восполнить образующиеся лакуны.

Возьмем в качестве примера институциональные реформы. Их успех зависит от того, насколько органично нововведения войдут в политические картины различных слоев населения и превратятся для каждого индивида в неотъемлемую составляющую политической реальности, т. е. будут восприниматься ими как данность, которую следует учитывать в выборе модели поведения. Проблема состоит в том, что даже если в обществе организовано широкое информирование граждан о нововведениях, то подобные еще не означает, что эти новации будут включены в индивидуальные политические картины в желательном для законодателя виде. Знание об изменениях в нормативном порядке может войти в противоречие с ранее усвоенными мифологемами и идеологемами, поддерживающими в сознании человека определенное понимание логики политических отношений. Например, нормы антикоррупционного законодательства могут наталкивать на сложившееся у индивида видение отношений между гражданами и властью, емко определяемое поговоркой «Не подмажешь — не поедешь».

Когда вводимые в ходе реформы нормы не вписываются в идейно-ценностный контекст индивидуальной политической картины мира, то вероятность того, что они превратятся в «работающие правила», очень низка. Человеку свойственно ориентироваться на те нормы, которые соответствуют его субъективному видению окружающего мира и которые легко укладываются в его идейно-ценностную систему координат. Отсюда возникает проблема неформальных правил, чья живучесть определяется произошедшей ранее интериоризацией старого нормативного порядка, который в политической картине индивида продолжает существовать как данность, а следовательно, направлять поведение индивида.

В особенностях конструирования индивидуальной политической картины следует искать, на наш взгляд, истоки фиксируемого социологами неоднозначного отношения россиян к демократическим преобразованиям в обществе. И если большинство респондентов (62 %) считают, что «России нужна демократия» (Волков, Гончаров, 2015, с. 3), то это не значит, что они одинаково ее понимают. Для одних демократия — это «общественное устройство, при котором власть заботится о нуждах людей» (эту точку зрения поддерживают 34 % респондентов), а для других — «общественное устройство, при котором граждане могут свободно высказывать свое мнение о государственных делах» (31 %) (Волков, Гончаров, 2015, с. 5). Конечно, для первых «правильными» будут нормы, допускающими опеку граждан со стороны государства, и только вторыми будут востребованы нормы, позволяющие гражданам артикулировать свои интересы, участвовать в обсуждении государственной повестки дня. Стоит ли в этом случае удивляться тому, что только 34 % россиян считают: от политиче-

ских свобод, утвердившихся в стране за последние годы, нельзя отказаться ни при каких обстоятельствах. В то же время большинство (66 % в 2016 г.) в политических свободах видят угрозу стабильности и считают, что России необходима «твердая рука», которая наведет в стране порядок (Российское общество..., 2016, с. 22). Логичным в этом плане выглядят и ответы россиян на вопрос «Какие из следующих проблем нашего общества тревожат вас больше всего, и вы считаете их самыми острыми?»: только 4 % респондентов выбрали вариант «Ограничение гражданских прав, демократических свобод (свободы слова, печати)» (Левада-Центр..., 2017).

Ценностное размежевание по базовым принципам политической организации общества чревато появлением глубоких разломов, способных вывести общество на уровень конфликтного противостояния. В связи с этим возникает вопрос: почему людям так трудно дается ценностный консенсус, почему они упорно держатся за свои убеждения и не хотят прислушиваться к доводам противоположной стороны? В когнитивной психологии на основе анализа большого массива эмпирических фактов, полученных экспериментальным путем, доказано, что человеку свойственно основную часть информации обрабатывать периферийным способом, т. е. путем укладывания новой информации в ранее сложившиеся когнитивные структуры. Иными словами, если у человека сформировалась определенная когнитивная структура (образ, мифологема, идеологема, фрейм), отражающая его представление о некотором феномене политической реальности, то любая новая информация, касающаяся этого феномена, будет прежде всего выполнять функцию расширения интериоризированного знания. В случае возникновения когнитивного диссонанса, противоречия новой информации содержанию сложившейся политической картины, эта информация, как правило, либо игнорируется, либо искажается, приводится в соответствие с убеждениями индивида (подробнее см.: Пушкарева, 2014, с. 152–193).

Чтобы избежать когнитивного диссонанса, вызывающего неприятные ощущения, человек начинает ориентироваться на те источники информации, которые подпитывают его убеждения. Среди последних эмпирических исследований, подтверждающих данный тезис, можно назвать статью А. Д. Казун, где показано, что сторонники и противники А. Навального предпочитают получать информацию о его деятельности из разных источников (Казун, 2018, с. 56). Также показательно выявление в «Твиттере» двух полярных по своим общественно-политическим ориентациям групп, возникших в связи с обсуждением протестных акций 26 марта 2017 г. (Гончаров, Нечай, 2018).

Возникает своеобразный замкнутый круг: индивид слышит только тех, кто выражает взгляды, соответствующие его ценностным предпочтениям и дополняющие образы его политической картины. И чем воинственнее звучат голоса оппонентов, тем упорнее индивид цепляется за свои убеждения, тем активнее ищет сторонников своих взглядов. Глубокие расколы в обществе возникают тогда, когда политические картины формируются на основе противоположных ценностей и взаимоисключающих мифологем, когда в публичном дискурсе каждая из сторон получает необходимую подпитку своим убеждениям, когда в сознании людей актуализируются те фрагменты политических представле-

ний, которые способны активизировать мотивационные процессы и подтолкнуть человека к действиям.

Несмотря на консервативность индивидуальной политической картины, есть ряд факторов, способных спровоцировать когнитивные процессы, оказывающие обновляющее воздействие на ее содержание. Как только изменения ценностных ориентаций и политических взглядов на личностном уровне затрагивают значительные слои населения, начинаются процессы делигитимации нормативного порядка, поддерживающего политический режим, происходит рост протестной активности широких слоев населения, развивается политическая аномия. Что заставляет человека менять свои взгляды и заново форматировать свою политическую картину?

Система представлений человека об окружающем мире основана на вере, на глубокой убежденности, что действительность соответствует его представлениям, что отраженные в политической картине образы «схватывают» реалии политического бытия. Но как только эта вера начинает ослабевать, как только у индивида появляются сомнения в том, что ранее усвоенные мифологемы и идеологемы адекватно описывают политическую реальность, идейно-ценностный уровень политической картины перестает выполнять системообразующую функцию. Рамки настоящей статьи не позволяют остановиться на причинах такого разочарования. Отметим только, что чаще всего оно связано с несбывшимися надеждами, неоправдавшимися ожиданиями, всплеском депривационных настроений и резким обострением чувства несправедливости.

Ценностный хаос, возникающий в сознании индивида в результате подрыва веры в некоторые базовые принципы политического бытия, в соответствии с законами синергетики со временем дает начало новой структуре идейно-ценностных представлений, которая будет определять его политические воззрения на новом этапе его жизни. Однако до восстановления структурной целостности политической картины индивиду будут свойственны непоследовательность в оценке действий политических акторов, быстрая смена политических предпочтений, перепады в политическом настроении, колебания от одной политической силы к другой. Обретая массовый характер, такие психологические процессы неизбежно ведут к развитию политической аномии в обществе, разрушению институционального порядка и дезорганизации власти.

У. Томас определил значение когнитивных процессов в социальном поведении человека знаменитой формулой: «Если ситуация определяется как реальная, то она реальна по своим последствиям» (цит. по: Мертон, 2008). Индивид действует исходя из собственного понимания мира социальных отношений. Чтобы сделать его активным сторонником политических преобразований, вовлечь в политические акции, необходима серьезная и кропотливая работа по соответствующему «форматированию» его политической картины.

Литература

Андреева Г. М. Трудности социального познания: «Образ мира» или реальный мир? // Социальная психология в современном мире / под ред. Г. М. Андреевой. М.: Аспект Пресс, 2002. С. 182–203.

Баранов Н. А. Трансформация политического сознания современного российского общества // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2007. Т. 3, № 1. С. 82–98.

Волков Д., Гончаров С. Демократия в России: установки населения. Сводный аналитический отчет. М.: Левада Центр, 2015. URL: <http://www.levada.ru/sites/default/files/> (дата обращения: 14.01.2018).

Гарфинкель Г. Обыденное знание социальных структур: документальный метод интерпретации в профессиональном и непрофессиональном поиске фактов // Социологическое обозрение. 2003. Т. 3, № 1. С. 3–19.

Гончаров Д. В., Нечай В. В. Антикоррупционные протесты 2017: отражение в Твиттере // Политика. 2018. № 1 (88). С. 65–78.

Гуревич П. С. Культурология. М.: Знание, 1995. 287 с.

Казун А. Д. «Осветить нельзя игнорировать»: Алексей Навальный в российских СМИ // Политика. 2018. № 1 (88). С. 47–64.

Левада-Центр. Самые острые проблемы. 2017. URL: <https://www.levada.ru/2017/08/31/samye-ostrye-problemy-2/> (дата обращения: 14.01.2018).

Мартыанов Д. С. Политическое сознание, политическое бессознательное и политическая психика: ревизия подходов к структуре и определению // Вестник СПбГУ. 2015. Сер. 6, вып. 3. С. 57–69.

Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. М.: Наука, 1976. 407 с.

Мертон Р. Самоисполняющееся пророчество (Теорема Томаса). 2008. URL: <http://socio-line.ru/node/828> (дата обращения: 03.06.2018).

Ольшанский Д. В. Основы политической психологии. Екатеринбург: Деловая книга, 2001. 496 с.

Патрушев С. В., Филиппова Л. Е. Дуализм массового сознания и типология массовой политики // Политическая наука. 2017. № 1. С. 13–37.

Пищева Т. Н. Политические образы: проблемы исследования и интерпретации // Полис. Политические исследования. 2011. № 2. С. 47–52.

Поливаева Н. П. Политическое сознание в условиях трансформации российского общества: дис. ... д-ра полит. наук. М.: Российский государственный социальный университет, 2009. 460 с.

Политическая социализация российских граждан в период трансформации / под ред. Е. Б. Шестопаля. М.: Новый хронограф, 2008. 551 с.

Пушкарева Г. В. Homo politicus: человек политический. М.: Аргамак-медиа, 2014. 336 с.

Ришар Ж. Ф. Ментальная активность. Понимание, рассуждение, нахождение решений. М.: Институт психологии РАН, 1998. 232 с.

Российское общество в условиях кризисной реальности (по результатам социологического мониторинга 2014–2016 гг.). М.: Институт социологии Российской академии наук, 2016. URL: http://www.isras.ru/files/File/Doklad/Ross_obschestvo_v_usloviyah_krizisn_realnosti.pdf (дата обращения: 14.01.2018).

Самаркина И. В. Первое десятилетие XXI века: константы и новации в политической картине мира российских детей // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2011. № 3 (15). С. 5–21.

Соловьев А. И. Политология: Политическая теория и политические технологии. М.: Аспект Пресс, 2000. 559 с.

Фишман Л. Г. Существует ли современное массовое сознание? // Политика. 2017. № 3 (86). С. 6–24.

Чернявская Ю. Народная культура и национальные традиции. Минск: Беларусь, 2000. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Chern/06.php (дата обращения: 01.06.2018).

Шестопаля Е. Б. Политическая психология. М.: ИНФРА-М, 2002. 448 с.

Druckman J. N. The Implications of Framing Effects for Citizen Competence // Political Behavior. 2001. Vol. 23, iss. 3. P. 225–256.

Druckman J. N. Framing Theory // Annual Review of Political Science. 2007. Vol. 10. P. 103–126.

George A. L. The "Operational Code": A Neglected Approach to the Study of Political Leaders and Decision-Making // *International Studies Quarterly*. 1969. Vol. 13, no. 2. P. 190–222.

Kinder D. R. Belief systems today // *Critical Review. A Journal of Politics and Society*. 2006. Vol. 18, iss. 1–3. P. 197–216.

Kuklinski J. H., Luskin R. C., Bolland J. Where is the Schema? Going beyond the "S" word in political psychology // *American Political Science Review*. 1991. Vol. 85, iss. 4. P. 1341–1380.

Lodge M., Taber Ch. Three steps toward a theory of motivated political reasoning // *Elements of Reason. Cognition, Choice and the Bounds of Rationality* / eds A. Lupia, M. D. McCubbins, S. L. Popkin. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. P. 183–195.

Renshon J. Stability and Change in Belief Systems. The Operational Code of George W. Bush // *Journal of Conflict Resolution*. 2008. Vol. 52, no. 6. P. 820–849.

Zaller J. The Nature and origins of mass opinion. New York: Cambridge University Press, 1992. 367 p.

Пушкарева Галина Викторовна — д-р полит. наук, проф.; gvpush@mail.ru

Статья поступила в редакцию: 20 июня 2018 г.;

рекомендована в печать: 1 ноября 2018 г.

Для цитирования: Пушкарева Г. В. Идеи и ценности в политической картине современного человека // *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС*. 2018. Т. 14, № 3. С. 392–409. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu23.2018.305>

IDEAS AND VALUES IN THE POLITICAL PICTURE OF THE MODERN MAN

Galina V. Pushkareva

Lomonosov Moscow State University,
1, Leninskie gory, Moscow, 119991, Russia; gvpush@mail.ru

Every person has his system of ideas about politics, which in this paper is defined the concept of "political picture". The political picture, constructed by the individual's consciousness, is perceived by the individual himself as an adequate reflection of objective political reality, as a givenness, on which he orientates himself in the choice of models of behavior. An appeal to this category allows us to disclose the significance of psychological mechanisms mediating the connection of an individual with a world of objective political phenomena and processes. The political picture is described as a complex cognitive education consisting of images of specific political actors, generalized images accumulating knowledge of political statuses and roles, scenarios that form representations of the normative order, and concepts (mythologemes, ideologemes, scientific theories) that help an individual to explain the world of politics using his accessible ways. The article substantiates the thesis that the ideas and values contained in the individual's conceptual knowledge of politics fulfill the system-forming function in relation to other cognitive structures, creating the effect of the subjective integrity of the political picture.

Keywords: political picture, political perception, political images, political ideas, political values, mythologemes, ideologemes.

References

Andreeva G. M. Trudnosti sotsial'nogo poznavaniia: «Obraz mira» ili real'nyi mir? [Difficulties of social cognition: "The image of the world" or the real world?] *Sotsial'naiia psikhologiya v sovremen-nom mire* [Social psychology in the modern world]. Ed. by G. M. Andreeva. Moscow, Aspect Press, 2002, pp. 182–203. (In Russian)

Baranov N. A. Transformatsiia politicheskogo soznaniia sovremen-nogo rossiiskogo obshchestva [Transformation of the Political Consciousness of Contemporary Russian Society]. *Politicheskaia ekspertiza: POLITEKS* [Political Expertise: POLITEK]. 2007, vol. 3, no. 1, pp. 82–98. (In Russian)

- Chernyavskaya Y. *Narodnaia kul'tura i natsional'nye traditsii* [Folk culture and national traditions]. Minsk, Belarus Publ., 2000. Available at: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Chern/06.php (accessed: 01.06.2018). (In Russian)
- Druckman J. N. Framing Theory. *Annual Review of Political Science*. 2007, no. 10, pp. 103–126.
- Druckman J. N. The Implications of Framing Effects for Citizen Competence. *Political Behavior*. 2001, vol. 23, iss. 3, pp. 225–256.
- Fishman L. G. Sushchestvuet li sovremennoe massovoe soznanie? [Is there a modern mass consciousness?] *Politiya*. 2017, no. 3 (86), pp. 6–24. (In Russian)
- Garfinkel G. Obydennoe znanie sotsial'nykh struktur: dokumental'nyi metod interpretatsii v professional'nom i neprofessional'nom poiske faktov [Ordinary knowledge of social structures: documentary method of interpretation in professional and non-professional search of facts]. *Sotsiologicheskoe obozrenie* [Sociological Review]. 2003, vol. 3, no. 1, pp. 3–19. (In Russian)
- George A. L. The “Operational Code”: A Neglected Approach to the Study of Political Leaders and Decision-Making. *International Studies Quarterly*. 1969, vol. 13, no. 2, pp. 190–222.
- Goncharov D. V., Nechay V. V. Antikorruptsionnye protesty 2017: otrazhenie v Twittere [Anti-corruption protests 2017: a reflection on Twitter]. *Politiya*. 2018, no. 1 (88), pp. 65–78. (In Russian)
- Gurevich P. S. *Kul'turologiia* [Culturology]. Moscow, Knowledge Publ., 1995. 287 p. (In Russian)
- Kazun A. D. «Osvetit' nel'zia ignorirovat'»: Aleksei Naval'nyi v rossiiskikh SMI [“To illuminate can not be ignored”: Alexey Navalny in the Russian media]. *Politiya*. 2018, no. 1 (88), pp. 47–64. (In Russian)
- Kinder D. R. Belief systems today. *Critical Review. A Journal of Politics and Society*. 2006, vol. 18, iss. 1–3, pp. 197–216.
- Kuklinski J. H., Luskin R. C., Bolland J. Where is the Schema? Going beyond the “S” word in political psychology. *American Political Science Review*. 1991, vol. 85, iss. 4, pp. 1341–1380.
- Levada-Tsentr. *Samye ostrye problemy* [Levada Center. The most acute problems]. 2017. Available at: <https://www.levada.ru/2017/08/31/samye-ostrye-problemy-2> (accessed: 14.01.2018). (In Russian)
- Lodge M., Taber Ch. Three steps toward a theory of motivated political reasoning. *Elements of Reason. Cognition, Choice and the Bounds of Rationality*. Eds A. Lupia, M. D. McCubbins, S. L. Popkin. Cambridge, Cambridge University Press, 2000, pp. 183–195.
- Martyanov D. S. Politicheskoe soznanie, politicheskoe bessoznatel'noe i politicheskaia psikhika: reviziia podkhodov k strukture i opredeleniiu [Political consciousness, political unconscious and political psyche: revision of approaches to structure and definition]. *Vestnik of St. Petersburg State University*. 2015, ser. 6, vol. 3, pp. 57–69. (In Russian)
- Meletinsky Ye. M. *Poetika mifa* [Poetics of myth]. Moscow, Nauka Publ., 1976. 407 p. (In Russian)
- Merton R. *Samoispolniaiushcheesia prorochestvo (Teorema Tomasa)* [Self-fulfilling prophecy (Thomas's theorem)]. 2008. Available at: <http://socioline.ru/node/828> (accessed: 03.06.2018). (In Russian)
- Olshansky D. V. *Osnovy politicheskoi psikhologii* [Fundamentals of political psychology]. Ekaterinburg, The Business Book Publ., 2001. 496 p. (In Russian)
- Patrushev S. V., Filippova L. E. Dualizm massovogo soznaniia i tipologiiia massovoi politiki [The dualism of mass consciousness and the typology of mass politics]. *Politicheskaiia nauka* [Political Science]. 2017, no. 1, pp. 13–37. (In Russian)
- Pishcheva T. N. Politicheskie obrazy: problemy issledovaniia i interpretatsii [Political images: problems of research and interpretation]. *Polis. Politicheskie issledovaniia* [Polis. Political Studies]. 2011, no. 2, pp. 47–52. (In Russian)
- Politicheskaiia sotsializatsiia rossiiskikh grazhdan v period transformatsii* [Political socialization of Russian citizens during the transformation period]. Ed. by E. B. Shestopal. Moscow, New Chronograph Publ., 2008. 551 p. (In Russian)
- Polivaeva N. P. *Politicheskoe soznanie v usloviakh transformatsii rossiiskogo obshchestva: dis. d-ra polit. nauk* [Political consciousness in the conditions of transformation of Russian society: Dr. Sci. Thesis in political sciences]. Moscow, Russian State Social University Publ., 2009. 460 p. (In Russian)

Pushkareva G.V. *Homo politicus: chelovek politicheskii* [*Homo politicus: a political man*]. Moscow, Argamak-media Publ., 2014. 336 p. (In Russian)

Renshon J. Stability and Change in Belief Systems. The Operational Code of George W. Bush. *Journal of Conflict Resolution*. 2008, vol. 52, no. 6, pp. 820–849.

Richard J.F. *Mental'naia aktivnost'. Ponimanie, rassuzhdenie, nakhozhdenie reshenii* [*Mental activity. Understanding, reasoning, finding solutions*]. Moscow, Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences Publ., 1998. 232 p. (In Russian)

Rossiiskoe obshchestvo v usloviakh krizisnoi real'nosti (po rezul'tatam sotsiologicheskogo monitoringa 2014–2016 gg.) [*Russian Society in the Conditions of Crisis Reality (Based on the Results of Sociological Monitoring 2014–2016)*]. Moscow, Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences Publ., 2016. Available at: http://www.isras.ru/files/File/Doklad/Ross_obschestvo_v_usloviyah_krizisn_realnosti.pdf (accessed: 14.01.2018). (In Russian)

Samarkina I.V. Pervoe desiatiletie XXI veka: konstatntny i novatsii v politicheskoi kartine mira rossiiskikh detei [The first decade of the 21st century: constants and innovations in the political picture of the world of Russian children]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofii. Sotsiologii. Politologii* [*Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political Science*]. 2011, no. 3 (15), pp. 5–21. (In Russian)

Shestopal E.B. *Politicheskaiia psikhologiiia* [*Political psychology*]. Moscow, INFRA-M Publ., 2002. 448 p. (In Russian)

Solovyov A.I. *Politologiiia: Politicheskaiia teoriia i politicheskie tekhnologii* [*Political science: Political theory and political technologies*]. Moscow, Aspect Press, 2000. 559 p. (In Russian)

Volkov D., Goncharov S. *Demokratiiia v Rossii: ustanovki naseleniia. Svodnyi analiticheskii otchet* [*Democracy in Russia: population settings. Summary analytical report*]. Moscow, Levada Center Publ., 2015. Available at: <http://www.levada.ru/sites/default/files/> (accessed: 14.01.2018). (In Russian)

Zaller J. *The Nature and origins of mass opinion*. New York, Cambridge University Press, 1992. 367 p.

Received: June 20, 2018

Accepted: November 1, 2018

For citation: Pushkareva G.V. Ideas and values in the political picture of the modern man. *Political Expertise: POLITEX*, 2018, vol. 14, no. 3, pp. 392–409. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu23.2018.305> (In Russian)